

Научная статья

УДК 821.161.1-6 Герцен + 94(44)“1848” + 930.2 + 101.9

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.033

ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1848 г. В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. И. ГЕРЦЕНА

Эльвира Ингелевна Гарифуллина

*Московский государственный областной университет,
Мытищи, Россия,
elvira.i.12345@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0000-1605-6250>*

А н н о т а ц и я. Статья посвящена отражению событий 23–26 июня 1848 г. в десятом письме цикла «Письма из Франции и Италии» А. И. Герцена и двух его частных письмах. Целью исследования является установление ключевых черт эпистолярного стиля литератора, а также наблюдение трансформации его рассуждений при переходе от одной словесной формы к другой. С учетом поставленной цели наиболее обоснованным представляется сравнительно-сопоставительный метод в контексте хронологического подхода. Проводится компаративный анализ данных источников, выявляется их структурное и содержательное сходство, анализируются стилистические и композиционные особенности. Результатом проделанной работы стала экспликация относительно стабильной эпистолярной манеры Герцена, определение ее основных характеристик. Сделан вывод о вспомогательной роли частной корреспонденции писателя при создании открытого цикла «Письма из Франции и Италии».

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. И. Герцен; эпистолярный; «Письма из Франции и Италии»; Июньское восстание 1848 г.; западник; письмо; 1848 год

THE JUNE DAYS UPRISING IN THE EPISTOLARY HERITAGE OF A. I. HERZEN

Elvira I. Garifullina

*Moscow State Regional University, Mytishchi, Russia,
elvira.i.12345@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0000-1605-6250>*

Abstract. The article is devoted to the reflection of the events of June 23–26, 1848 in the 10th letter of the cycle “Letters from France and Italy” by A. I. Herzen and two of his private letters. The aim of the study is to establish the key features of the writer’s epistolary style, as well as to observe the transformation of his reasoning

© Гарифуллина Э. И., 2023

during the transition from one verbal form to another. Taking into account the goal, the author considered a comparative method to be the most reasonable in the context of the chronological approach. A comparative analysis of these sources has been carried out, their structural and content similarity has been revealed, stylistic and compositional features has been analyzed. The result of the work done was the explication of the relatively stable epistolary manner of Herzen, the definition of its main characteristics. In addition, a conclusion was made about the auxiliary role of the writer's private correspondence in the creation of the open cycle "Letters from Italy and France".

К e y w o r d s: A. I. Herzen; epistolary; "Letters from France and Italy"; June uprising 1848; Westerner; letter; 1848

Являясь одной из наиболее влиятельных фигур в русской общественной мысли XIX в., Александр Иванович Герцен в то же время отражал в своем мировоззрении наиболее распространенную на тот момент в среде русского дворянства тенденцию: как и вся современная ему русская интеллигенция, он желал преобразований для России — и корни, истоки, образцы их виделись литератору в европейских событиях середины XIX в. Данными аксиологическими установками, а также активной общественной позицией писателя объясняется его внимание к Французской революции 1848 года — одному из ключевых периодов обширного политического процесса, позже названного в исторической науке «Весной народов». Вызывает интерес преломление данной части реальности в сознании Герцена и ее отражение в его эпистолярном и литературном творчестве.

Наибольшее количество комментариев относительно происходящего в Париже в 1848 г. Герцен оставил в личной переписке, а также в открытом цикле «Письма из Франции и Италии». Основанием для сближения данного цикла с личными письмами Герцена служит факт создания «Писем из Франции и Италии» в ходе путешествия и хронологические особенности написания: каждое письмо имеет собственную дату и место написания. Благодаря такому принципу создания «Письма...» отличаются более искренним в сравнении с художественной литературой характером, непосредственностью отраженных в них впечатлений. Научную ценность представляет выявление сходств и различий двух данных форм изложения писателем его впечатлений и рефлексии по этому поводу, а также наблюдение трансформации мысли литератора при переходе от одной словесной формы к другой. Точкой наибольшего тематического сближения данных корпусов текстов является Июньское восстание 1848 г., мысли о котором содержатся в десятом письме цикла, датированном 1 сентября, и в двух частных письмах Герцена (от 2–8 августа и 6 сентября 1848 г.), адресованных московским друзьям. Следует отметить, что данное адресование в корреспонденции Герцена встречается нередко, и представляется правдоподобным, что это каждый раз один и тот же определенный круг московских знакомых писателя. Несмотря на отсутствие в собраниях сочинений и писем Герцена формальных уточнений о лицах, входящих в этот круг, по анализу текста писем они устанавливаются вполне определенно:

Е. Ф. и М. Ф. Корш, Т. Н. Грановский, Н. Х. Кетчер, К. Д. Кавелин и некоторые другие знакомые Герцена. Ориентированность таких писем на определенную аудиторию выступает в качестве добавочного основания для сближения их с открытым циклом «Письма из Франции и Италии». Таким образом, компаративный анализ данных источников на предмет развития рассуждений писателя и формирования его позиции представляет особый интерес. При рассмотрении текстов выглядит обоснованным хронологический подход. Кроме того, следует уделить внимание стилистическим, структурным и прочим особенностям эпистолярных текстов литератора.

Типично, что первичная сумбурная рефлексия относительно внешнего повода чаще всего высказывается писателями в частной переписке и лишь со временем, приобретая более четкие грани, помещается в художественные произведения — так произошло и в данном случае. Однако личное письмо было составлено не сразу после описываемых событий, а лишь через полтора месяца, что деактуализирует тезис о непосредственности изложенных в нем впечатлений и дает основания сблизить его с литературным источником. А написанное тремя неделями позже открытое десятое «Письмо...», в свою очередь, обладает некоторыми стилистическими особенностями, характерными для личного письма. Отмеченные детали являются дополнительным мотивом для соотнесения данных источников.

Факт отсутствия в корпусе частной корреспонденции Герцена за первую половину 1848 г. комментариев относительно парижских событий¹ сполна компенсируется письмом московским друзьям от 2–8 августа, где наиболее полно и выразительно отражено восприятие происходящего писателем.

Письмо сравнимо по объему с открытым письмом, адресовано группе лиц, не называемых в начале текста (однако легко устанавливаемых по обращению в множестве аналогичных писем других периодов), в нем использованы разнообразные средства художественной выразительности, что сближает его с открытым письмом. Текст состоит из трех фрагментов, датированных 2, 5 и 8 августа. В начальном абзаце первого фрагмента содержится пространное и достаточно эмоциональное размышление об итогах французских событий весны 1848 г. Оно не лишено подробностей, имен и дат, но они даны хаотично и не представляют собой хронологически последовательного повествования. В следующих абзацах Герцен переходит «к более личным делам», интересуется текущими литературными вопросами, спрашивает о российских знакомых и т. д. Однако он не использует типичных для других писем форм прощания, из чего следует, что способ написания письма в течение нескольких дней заложен автором сознательно.

¹ За первую половину 1848 г. известны: январское письмо московским друзьям о «Письмах из Avenue Magigny» и упадке европейской культуры в целом; 8 писем Герцена его московскому распорядителю Г. И. Ключареву, носящих исключительно практический характер; 4 письма Астраховым; 1 письмо Анненкову о событиях в Италии в начале марта. В этих текстах не содержится комментариев относительно событий 1848 г. в Париже, в связи с чем в данном исследовании они рассматриваться не будут.

Второй, наиболее внушительный по объему фрагмент от 5 августа почти полностью посвящен рефлексии относительно июньских дней, содержит немало впечатляющих подробностей, некоторые умозаключения. Последние его строки представляют — хотя и в весьма лаконичной форме — типичное для эпистолярной манеры литератора окончание письма, из чего следует, что последний фрагмент, возможно, не был предусмотрен и решение продолжить текст было принято позже.

Тематически значимые для данного исследования эпизоды текста имеют схожие характеристики: симпатизировавший повстанцам Герцен, очевидно, взволнован происходящим намного больше, чем событиями 15 мая, негодует из-за установления кровавой диктатуры Кавеньяка, сопровождаемой многочисленными расстрелами и ссылками, и осуждает действия Учредительного собрания: «Люди фразы, люди интриг — украли корону у народа, буржуа сели царями... черт ли в их благонамеренности, они сгубили республику» [Герцен, т. 23, с. 80], «каждый день после 15 мая приносил бедствие, глупый закон, притеснение» [Там же, с. 87]. Герцен выражает восхищение мужеством восставших, поддерживает их: «Геройство парижан превосходит всякое сказание, одни ядры и пушечная картечь, продолжавшаяся три дня, могла победить отчаянье обиженного работника» [Там же]. Не изменяя себе, он обращается к историческому и социальному фону событий, о которых он в дальнейшем будет рассуждать в открытом десятом письме, но делает это в меньших масштабах. В личном письме литератор высказывается лаконично и вместе с тем эмоционально. Экспрессивный тон письма, речевые обороты, противоречивые заключения — все это говорит о более искреннем характере данного письма в сравнении с открытым. Герцен в полной мере демонстрирует свою симпатию к идеям демократической социальной республики, упоминая героические действия восставших на баррикадах, выражает искреннее сожаление к потерпевшим неудачу и возмущается действиями Кавеньяка. В открытых письмах тон Герцена более сдержан.

Третий, самый краткий фрагмент от 8 августа касается разнообразных вопросов, не имеющих отношения к Июньскому восстанию, в связи с чем тематически не представляет интереса для данного исследования. Отметим лишь его структурную роль: это развернутая этикетная фигура со множеством характерных стилистических черт, делающая текст композиционно завершенным.

Тремя неделями позже письма московским друзьям появилось десятое письмо из открытого цикла «Письма из Франции и Италии», где Герцен вновь рассуждает на тему июньских дней, непосредственным свидетелем которых он оказался. При схожей тематике данный текст имеет и много отличий от личного письма.

Письмо имеет внушительный объем относительно других писем цикла, однако датировано лишь одним днем — 1 сентября 1848 г., что в целом нехарактерно для эпистолярной манеры Герцена: даже частные письма, намного меньшие по объему, он обычно пишет по несколько дней. Данный факт дает основания полагать, что Герцен воспринимал десятое письмо как литературное произведение, возможно, перерабатывал текст, вследствие чего момент непосредственного написания утратил значимость, а выставленная после заглавия дата — лишь стилистический

прием. У десятого письма и рассмотренных в данном исследовании личных писем есть общий адресат, мнимый в цикле и явный в частных письмах, — «Любезные друзья», — наличие которого является дополнительным аргументом для сближения этих текстов. Аналогична природа и первой строки, стилизующей письмо под частное: «Больше двух месяцев прошло после моего последнего письма» [Герцен, т. 5, с. 153]; несомненно, однако, что подобный оборот — лишь дополнительный инструмент, используемый автором для связи писем в цикле.

Тематика десятого письма в целом определяется однозначно, однако впечатляет его широкоаспектность: Герцен эмоционально сожалеет о поражении восставших, проводит исторические параллели с событиями 1793 г. («Никогда террор 93 года не доходил до того, до чего дошел террор теперь» [Там же, с. 154]), пространно рассуждает о причинах июньских событий, делает некоторые исторические справки, лирические отступления, анализирует личности руководителей восстания, находя причины поражения и в чертах их характеров.

В первых же строках Герцен выражает сожаления о бедственном положении народа после июньских дней: «Усталый народ примет всякого с рукоплесканием, ему хочется сколько-нибудь покоя, он все на жертву принес в июньские дни и все утратил, он хочет залечить раны, оплакать жертвы и заработать кусок хлеба» [Там же, с. 153]. Однако позиция Герцена амбивалентна: сокрушаясь о тяжелой судьбе простых людей, он одновременно обвиняет руководителей восстания в предательстве идеалов республики: «Чувства собственного достоинства, уважения к себе настолько, чтоб не отвечать на дерзкие вопросы, не нашлось у этих людей» [Там же, с. 157]. Внимание писателя к характерам ключевых фигур июньских дней не ускользнуло и от исследователя Л. Р. Ланского, более того, в метких эпитетах и точных выражениях им усматривается фундамент полноценности будущих обличительных портретов в журнале Герцена: «В сочинениях и письмах Герцена этого [речь о 1848 г. — Э. Г.] и позднейшего времени немало характеристик руководителей революционной и псевдореволюционной Франции. Некоторые из них своим накалом и сатирическими красками напоминают позднейшие герценовские обличения царских сатрапов и крепостников в “Колоколе”» [Ланский, с. 286].

Причину крушения начавшихся было изменений Герцен видит в неготовности Франции к новой форме существования, в недостаточной решительности восставших: «Республика была сюрпризом для всех, для тех, которые пламенно желали ее, для тех, которые еще пламеннее ее отталкивали» [Герцен, т. 5, с. 158]. По мнению литератора, руководители восстания занимались лишь формальными вопросами, не вникая в сущность существующих и желаемых социальных положений, не вырабатывая методы коренного изменения общества, — а без этого никаких преобразований случиться не могло и не случилось. Отметим, что к подобному выводу об оценке писателем поражения пролетариата в июньском противостоянии приходит и Л. Р. Ланский, обобщенно излагая герценовскую концепцию революции: «Для социальной республики Франция еще не была готова» [Ланский, с. 285].

Герцен обстоятельно проходится по всем ключевым вопросам современной ему Франции, таким как всеобщее избирательное право, введение нового налога, ситуация с национальной гвардией, организация национальных мастерских, что обнаруживает недюжинную политическую подкованность и высокую степень философского осмысления происходящего. Анализируя события с начала 1848 г., Герцен последовательно указывает на исторические моменты, в которых, по его мнению, сторонники республики принимали неверные решения, упуская возможность победить монархию. Завершается письмо абстрактными рассуждениями о народной природе истинного закона, исторической судьбе Франции и менталитете ее жителей: «Монархическое устройство у французов не выбьешь из головы; у них страсть к полиции и к власти; каждый француз в душе полицейский комиссар, он любит фронт и дисциплину; все независимое, индивидуальное его бесит, он равенство понимает только нивелировкой и покоряется произволу полиции <...> Французы любят террор, оттого они так легко переносят осадное положение» [Герцен, т. 5, с. 173] — вот ключевой фактор поражения восставших.

Заключительные абзацы письма касаются наиболее общего и абстрактного понятия — свободы, ее сущности и принципов воплощения. Герцен сетует, что французы не понимают истинной природы свободы и поэтому, даже приобретая ее на баррикадах, не могут ее сохранить: «Нет в мире народа, который сделал бы столько подвигов, который бы пролил столько крови за свободу, как французы, и нет народа, который бы менее понимал ее, менее искал бы осуществить ее на самом деле, на площади, в суде, в своем доме» [Там же, с. 175]. Отметим, что концепт свободы в сознании Герцена стал предметом научного изучения Линь Вэньсинь из Шанхайской академии глобального управления и региональных исследований при Шанхайском университете иностранных языков: в статье «Liberty vs Slavic identity in A. I. Herzen's political thoughts» («Свобода vs славянская идентичность в политической мысли А. И. Герцена» — перевод Э. Г.) эксплицируется «связь герценовского взгляда на личную свободу <...> с его политическими идеалами» [Lin Wenxin, с. 199]. Подобное умозаключение подтверждается и соображениями, высказываемыми Герценом в десятом письме: «... Свобода (политическая, как ясно из контекста письма. — Э. Г.) ничего не значит, пока не проникла в убеждение, пока не сделалась верой, мыслию, мнением» [Герцен, т. 5, с. 158].

При более поздних публикациях «Писем из Франции и Италии» 1854 и 1858 гг. Герцен всякий раз составлял предисловие к очередному изданию, обнаруживая связь — или отсутствие связи — описываемых событий с текущей политической ситуацией, а также излагая собственную оценку произошедшего и описанного сквозь призму времени. Примечательно, что в качестве характерной тенденции Герцен отмечает чувство разочарования от французской реальности, лишь усиливающееся со временем и раз за разом находящее подтверждения в происходящих событиях. Наиболее выразительно Герцен пишет об этом в предисловии к изданию 1858 г.: «Пестрые декорации конституционной Франции ненадолго могли скрыть внутреннюю болезнь, глубоко разъедавшую ее. Чем пристальнее я всматривался,

тем яснее видел, что Францию может воскресить только коренной экономической переворот — 93 год социализма» [Герцен, т. 5, с. 9].

Данное письмо московским друзьям было написано через 6 дней после открытого десятого письма и касается тех же вопросов: избирательное право, проблема регулярной армии, отсутствие гражданских свобод. Эмоциональные акценты также совпадают — сокрушение о несправедливых приговорах военно-судных комиссий и т. д. Письмо представляет своего рода подведение итогов соображениям, изложенным в десятом письме.

Текст имеет небольшой объем, адресован прежнему кругу лиц, сопровождается, как и прочие письма, некоторыми бытовыми подробностями, вопросами друзьям и ответами на их вопросы из более ранних писем. Но главная тема остается неизменной — Герцен сожалеет о провалившихся преобразованиях: «...Четыре первые месяца нынешнего года сгубили нас. Мы так откровенно были надуты Февральской революцией...» [Герцен, т. 23, с. 94]. Он во множестве деталей и подробностей рассуждает о мнимом характере французских реформ, о том, что при смене форм власти ее сущность остается прежней — верхи самодержавно управляют низами. Главная претензия его — отсутствие свободы. Свое разочарование писатель распространяет на весь Запад: «В остальной Европе не только в самом деле нет свободы, нет гуманного управления, но нет даже понимания, желанья, нет близкой надежды» [Там же, с. 95]. Поражение Французской революции стало фундаментом тенденции разочарования в Европе, отмеченной и другими исследователями художественного наследия Герцена. К примеру, историк и писатель И. А. Порошин в выпущенной в 1905 г. брошюре «А. И. Герцен, славянофилы и западники» указывает: «Разочарование Герцена в Зап[адной] Европе начинается с 1848 г.: благоговейно-восторженное отношение сменяется холодным скептицизмом, переходящим порой в полное отчаяние перед тем будущим, которое ожидает Европу. Франция была первой страной, обманувшей Герцена в его ожиданиях и надеждах» [Порошин, с. 68]. А современный исследователь А. С. Калугин в работе «Философская компаративистика: Герцен и Киреевский о проблеме выбора пути Россией» констатирует: «Европейские революции, которые потонули в крови, разрушили в Герцене романтизм и идеализм, а также веру в европейскую непререкаемость» [Калугин, с. 14] — речь идет именно о «Весне народов», получившей начало в Париже в 1848 г. Подобный тезис встречается и в статье Т. В. Евтеевой «Критика западной цивилизации в воззрениях А. И. Герцена»: «“Неудачные” революции 1848 г. по всей Европе разрушают его прежние мечты и надежды. А. И. Герцен испытывает глубокое разочарование в западной цивилизации и возможности развития России по ее стопам» [Евтеева, 2011а, с. 6]. В дальнейшей научной работе Евтеева делает более общий вывод об отношении Герцена к Европе: «происходит постепенный отказ от воззрения на Запад как на главного носителя общечеловеческого просвещения» [Евтеева, 2011б, с. 13].

Еще одним существенным недостатком европейского устройства Герцен считает регулярную армию: «...Второе зло, уничтожающее Европу и при

существовании которого можно отложить всякую мысль о прогрессе и разумном государстве, — это постоянные войска» [Герцен, т. 23, с. 96].

Совпадение тематики и эмоционального фона, а также небольшой объем и характер высказываний позволяют сделать вывод, что данный текст представляет своего рода подведение итогов соображениям, изложенным в десятом письме.

Проделанный анализ эксплицирует относительно стабильную эпистолярную манеру Герцена, рассуждающего как в личных, так и в открытых письмах об исторических, культурных, социальных и политических явлениях, их предпосылках, взаимосвязи и последствиях. Наблюдается также постоянство политических взглядов писателя: происходит лишь трансформация формы выражения позиции — от более эмоциональной в частной переписке к более рациональной в открытом письме. Помимо общей тематики, у рассмотренных текстов обнаруживаются единый вектор эмоционального фона, схожие стилистические особенности. Однако считать эти тексты эквивалентными никак нельзя.

Личные письма Герцена носят в некоторой степени публицистический характер, местами полемический, в них имеет место своего рода словесная игра, использование всякого рода аллюзий, устойчивых выражений и обращений к разного рода метатексту. С точки зрения построения рассуждений в них наблюдается большая спонтанность и легкость, меньше ретроспективной аналитики. Частной переписке свойственна большая эмоциональность и образность, более резкий и насмешливый тон в сравнении с открытым десятым письмом, которое, впрочем, тоже не лишено экспрессии.

Однако открытое письмо обладает жанровой спецификой: при общей искренности высказываний, присущей эпистолярным формам, позиция, формируемая в тексте, имеет в большей мере законченный характер, что характерно для форм литературных. В открытом письме комментируются события двухмесячной давности, что дает основание считать его все же художественным произведением — с немалой вероятностью, писатель перерабатывал материал, придавая ему желаемую форму. Рассмотренные стилистические особенности открытого письма сближают его с частной корреспонденцией, но лишь формально, поскольку носят характер художественного приема.

Таким образом, десятое письмо занимает в некотором роде промежуточное положение между личной корреспонденцией и художественной литературой: с первой его сближают хронологические особенности написания, стилистические особенности, а со второй — более высокая степень художественной переработки материала. Первое из рассмотренных личных писем выступает в качестве своего рода подготовительного этапа при написании рассмотренного фрагмента открытого цикла, второе — в качестве обобщения и философского заключения на базе десятого письма.

Типическими чертами эпистолярной манеры Герцена являются эмоциональность, склонность к ретроспективному анализу, множество аллюзий к разнообразным историческим событиям и художественным источникам, некоторый набор характерных стилистических фигур.

Следует также отметить высокую степень философского осмысления Герценом июньских дней, обнаружение исторической подоплеки, построение причинно-следственных связей. Комментарии писателя касаются самых разнообразных аспектов происходящего, начиная с личностей политических лидеров и заканчивая оценкой стихийных социальных процессов. Данные факты позволяют подтвердить тезис о высокой степени политической заинтересованности Герцена и оценить глубину его компетентности в данной сфере.

Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // Собр. соч. : в 30 т. М., 1955. Т. 5. С. 5–226.

Герцен А. И. Письма 1847–1850 годов // Собр. соч. : в 30 т. М., 1961. Т. 23. 500 с.

Евтеева Т. В. Критика западной цивилизации в воззрениях А. И. Герцена // Аналитика культурологии. 2011а. № 3(21). С. 6–12.

Евтеева Т. В. «Россия» и «Запад» в цивилизационной концепции А. И. Герцена : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2011б. 22 с.

Калугин А. С., Терехова Г. Л. Философская компаративистика: Герцен и Киреевский о проблеме выбора пути Россией // Альманах современной науки и образования. 2011. № 7. С. 14–16.

Ланский Л. Р. Герцен и Франция // Лит. наследство. 1985. Т. 96. С. 254–306.

Порошин И. А. (Н. Белозерский). А. И. Герцен, славянофилы и западники // Исупов К. Г. А. И. Герцен: pro et contra. СПб., 2012. С. 56–80.

Lin Wenxin. Liberty vs Slavic identity in A.I. Herzen's political thoughts // Voprosy Istorii. 2022. № 9–2. P. 199–215. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi28.

Статья поступила в редакцию 02.03.2023 г.